

Последняя девушка. История моего плена и моё сражение с «Исламским государством»

Автор:

[Надия Мурад](#)

Последняя девушка. История моего плена и моё сражение с «Исламским государством»

Надия Мурад

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

15 августа 2014 года жизнь Надии Мурад закончилась. Боевики «Исламского государства» разрушили ее деревню и казнили ее жителей – мужчин, отказавшихся принять ислам, и женщин, слишком старых, чтобы стать сексуальными рабынями. Мать, отец и шестеро братьев Надии были убиты. А ее саму вместе с тысячами других езидских девушек продали в сексуальное рабство. Надию удерживали в плену несколько боевиков. Каждый день она делала мучительный выбор – покорность и боль или сопротивление и еще большая боль? Чуждая религия или религия предков?

История Надии – это история геноцида целого народа. Это свидетельство человеческого стремления к выживанию и любовное письмо к потерянной стране, хрупкому сообществу и семье, растерзанной войной.

5 октября 2018 года иракская правозащитница Надия Мурад удостоилась Нобелевской премии мира за усилия по прекращению использования сексуального насилия в качестве оружия войны.

Надия Мурад

Последняя девушка: история моего плена и мое сражение с «Исламским государством»

Nadia Murad

THE LAST GIRL: A Memoir

© Nadia's Initiative Inc. 2017

Фото на обложке – © Fred R. Conrad / Redux Pictures LLC.

© Перфильев О., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О СИЛЬНЫХ ЖЕНЩИНАХ

Первая леди. Тайная жизнь жен президентов

Американская писательница Кейт Андерсен Брауэр собрала в своей книге самые шокирующие и трагичные истории о жизни первых леди – от Жаклин Кеннеди до Мелании Трамп. Она взяла более 200 интервью у членов семей и друзей, а также изучила архивные записи, письма и дневники, чтобы показать все интриги Белого дома.

Ученица. Предать, чтобы обрести себя

У Тары странная семья. Отец готовится к концу света, мать лечит ожоги и раздробленные кости настойкой лаванды. А сама она знает, как обращаться с винтовкой, но с трудом может читать и писать. Однажды ее жизнь меняется. Втайне от родителей Тара готовится к поступлению в колледж...

Предательница. Как я посадила брата за решетку, чтобы спасти семью

В 2013 году Астрид и Соня Холледер решились на немыслимое: они вступили в противостояние со своим братом Виллемом, более известным как «любимый преступник голландцев». Он не простил предательства и в 2016 году отдал приказ убить Астрид и двух других свидетелей обвинения прямо из нидерландской тюрьмы. С этого момента и началась гонка на выживание.

Это моя работа. Любовь, жизнь и война сквозь объектив фотокамеры

Линси Аддарио ? лауреат Пулицеровской премии и одна из немногих женщин, кто не боится работать военным журналистом. Её книга ? это сильная история о женщине, которая рисковала своей жизнью и свободой для того, чтобы показать миру настоящую войну. Взгляните на мир через объектив фотокамеры Линси и измените свое отношение к привычным вещам.

Предисловие

Надия Мурад – не просто мой клиент, она моя подруга. Когда нас представили друг другу в Лондоне, она попросила меня выступить в качестве ее адвоката. Она объяснила, что не собирается предоставлять средства, что ее случай, скорее всего, будет разбираться долго, а на успех надеяться не стоит. Но, как она сказала, прежде чем я приму решение, я должна ее выслушать.

В 2014 году ИГИЛ напало на деревню Надии в Ираке, сломав жизнь этой студентке в возрасте двадцати одного года. Она видела собственными глазами, как ее мать и братьев уводят на расстрел, а саму ее по очереди покупали разные боевики ИГИЛ. Перед изнасилованием ее заставляли молиться и наносить на

лицо косметику, а однажды, когда она лежала без сознания, на нее набросилась целая группа мужчин. Она показывала мне ожоги от сигарет и шрамы от избиений. И она рассказала мне, как издевавшиеся над ней боевики называли ее «грязной неверной», хвастаясь тем, что захватили женщин-езидок, а вскоре и вовсе сотрут с лица земли их религию.

Надия – одна из нескольких тысяч езидских женщин, которых ИГИЛ продавало на рынках и на Facebook, порой всего за двадцать долларов. Мать Надии была одной из восьмидесяти пожилых женщин, которых казнили и похоронили в общей могиле. Шесть ее братьев вошли в число нескольких сотен мужчин, которых убили только за один день.

То, о чем поведала мне Надия, – это геноцид. А геноцид не происходит случайно. Его планируют. До начала геноцида «Департамент исследований и Фетв» ИГИЛ изучал культуру езидов и пришел к выводу, что езиды, будучи курдскоговорящей народностью, не имеющей священного писания, являются неверными, и что их порабощение соответствует «прочным установленным правилам шариата». Вот почему, согласно извращенной морали ИГИЛ, езидов – в отличие от христиан, шиитов и некоторых других групп – можно подвергать систематическому насилию. По сути, это лучший способ избавиться от них.

Далее последовал настоящий ад в промышленном размахе с бюрократическим оттенком. ИГИЛ даже издало брошюру под названием «Вопросы и ответы относительно взятия в плен и порабощения», в которых в виде вопросов и ответов излагались основные правила.

«Вопрос: допускается ли вступать в половое сношение с рабыней, не достигшей половой зрелости?»

Ответ: вступать в половое сношение с рабыней, не достигшей половой зрелости, допускается, если она готова к сношению.

Вопрос: можно ли продавать пленницу?»

Ответ: пленниц и рабынь можно покупать, продавать или дарить, потому что это всего лишь собственность».

Когда Надия поведала мне в Лондоне свою историю, с начала развязанного ИГИЛ геноцида против езидов прошло почти два года. Тысячи езидских женщин и детей до сих пор удерживаются в плену ИГИЛ, но пока что ни один член ИГИЛ нигде в мире не предстал перед судом за эти преступления. Их свидетельства либо утеряны, либо уничтожены. Перспективы судебного преследования выглядят далеко не радужными.

Конечно, я взялась за это дело. Вместе с Надией мы более года добивались справедливости. Мы неоднократно встречались с представителями иракского правительства, представителями ООН, членами Совета безопасности ООН и жертвами ИГИЛ. Я готовила доклады, составляла проекты документов, проводила судебный анализ и выступала с речами, призывая ООН к действию. Большинство из наших собеседников утверждали, что это невозможно: Совет безопасности годами не предпринимал никаких действий в сфере международного правосудия.

Но пока я писала это предисловие, Совет безопасности ООН принял эпохальную резолюцию по созданию группы по сбору доказательств преступлений, совершенных ИГИЛ в Ираке. Это огромная победа для Надии и всех жертв ИГИЛ, поскольку это означает, что доказательства будут сохранены и что отдельные члены ИГИЛ предстанут перед судом. Я сидела вместе с Надией в Совете безопасности, когда эту резолюцию принимали единогласно. Увидев, как пятнадцать рук поднялись вверх, мы с Надией переглянулись и улыбнулись.

Моя работа правозащитника часто состоит в том, чтобы говорить от имени тех, кому затыкают рот: от имени журналистов за решеткой или жертв военных преступлений, которым чинят различные препоны в судах. Нет никаких сомнений в том, что ИГИЛ попыталось заткнуть рот Надии, когда ее похищали, порабощали, насиловали и пытали, когда в один день убили семь членов ее семьи.

Но Надия отказалась молчать. Она бросила вызов всем ярлыкам, которые навешивали на нее со дня ее рождения: Сирота. Жертва насилия. Рабыня. Беженка. Она сама решила, кто она: Выжившая. Номинант Нобелевской премии. Посол доброй воли ООН. А теперь еще и автор книги.

С тех пор как я познакомилась с Надией, она не только обрела свой голос, но и стала голосом каждого пострадавшего от геноцида езидов, каждой изнасилованной женщины, каждого оставленного в трудных условиях беженца.

Те, кто надеялся жестокостью заставить ее молчать, ошибались. Дух Надии Мурад не сломлен, и рот ей не заткнуть. Благодаря этой книге он зазвучал еще громче.

Амаль Клуни

Барристер

Сентябрь 2017 года

История моего плена и мое сражение с «Исламским государством»[1 - Террористическая организация, запрещена в РФ.]

При участии Дженны Краджески

Часть I

Посвящается всем езидам

1

В начале лета 2014 года, когда я собиралась идти в последний класс средней школы, в полях, рядом с Кочо, пропали два фермера.

Кочо – небольшой езидский поселок на севере Ирака. Там я родилась и там, как я когда-то считала, мне предстояло прожить всю жизнь.

Фермеры отдыхали в тени старого домотканого навеса и не успели глазом моргнуть, как оказались в соседней деревне, населенной в основном арабами-суннитами. Вместе с ними похитители почему-то забрали курицу с цыплятами.

«Может, они просто проголодались», – усмехались мы, хотя эта шутка никого не успокаивала.

На моей памяти Кочо всегда был езидским поселком. Он основан кочевниками, земледельцами и пастухами, которые пришли в эту глухомань и построили дома, чтобы защищать своих жен от пустынной жары, пока они сами пасут овец, переходя с одного пастбища на другое. Они выбрали землю, подходящую для возделывания, но в опасном месте – на дальней южной окраине района Синджар, где обитает большинство иракских езидов, и очень близко к неезидскому Ираку.

Первые езиды прибыли сюда в середине 1950-х, когда эти земли, принадлежавшие владельцам из Мосула, обрабатывали арабы-сунниты. Чтобы приобрести их, езиды наняли юриста-мусульманина, который до сих пор почитается как герой. К моменту моего рождения Кочо разросся до поселка из двухсот семей, так тесно связанных друг с другом, что они были, по сути, одной большой семьей.

Земля, кормившая нас, одновременно делала нас уязвимыми. Кочо расположен далеко от старых поселений езидов, укрывшихся за высокой вытянутой горой Синджар. На протяжении столетий нас преследовали за религиозные убеждения; мы были зажаты между суннитами-арабами и суннитами-курдами, которые хотели, чтобы мы отказались от своего наследия и стали курдами или арабами. Я выросла ближе к Сирии, чем к нашим главным святыням; ближе к Мосулу, чем к безопасности.

До 2013 года, когда между Кочо и горой наконец-то проложили асфальтированное шоссе, дорога до ее подножия через город Синджар занимала почти час. Поездка к горе была развлечением. В Синджаре продавались конфеты и сэндвичи с бараниной, которые в Кочо не делали, и мой отец почти всегда покупал нам все, что мы хотели. В пути наш пикап поднимал клубы пыли, но мне все равно нравилось ехать в кузове под открытым небом. Я лежала на животе, пока мы не выезжали из деревни, подальше от глаз любопытных соседей, а потом поднималась, подставляя волосы ветру и разглядывала пасущийся вдоль дороги скот. Увлекаясь, я привставала все выше и выше, пока мой отец или старший брат Элиас не кричали, чтобы я вела себя осторожнее, а не то вывалюсь из кузова.

С другой стороны от сэндвичей с бараниной и надежной горы тянулся Ирак. В мирное время если мы не торопились, то подбрасывали какого-нибудь езида-торговца к ближайшей суннитской деревне, чтобы он продал там зерно или молоко. В соседних поселках у нас были друзья – девочки, с которыми я виделась на свадьбах, учителя, которые в течение учебного года ночевали в школе Кочо, мужчины, которых приглашали поддержать наших мальчиков-младенцев во время ритуального обрезания, и они становились для езидских семей «кирив» – своего рода крестными отцами. Врачи-мусульмане приезжали лечить нас, а торговцы-мусульмане привозили платья и конфеты, которых было не найти в немногочисленных лавках Кочо. Подростками мои братья часто отправлялись в соседние неезидские поселки на подработку.

Отношения между нами осложняли столетия взаимного недоверия. Трудно было не заметить, как гость-мусульманин на свадьбе отказывается от наших блюд, как бы вежливо ему их ни предлагали, как некоторые старые езиды не берут угощения из рук мусульман, вспоминая истории отравления. Но все же это можно было назвать дружбой. Мы пронесли ее через времена османского владычества, британское колониальное правление, эпоху Саддама и американскую оккупацию. Мы, обитатели Кочо, особенно гордились своими тесными связями с жителями суннитских деревень.

Отношения между нами осложняли столетия взаимного недоверия.

Но когда в Ираке начинались военные действия – точнее, продолжались, поскольку они, похоже, не прекращались, – эти деревни стали тучей, нависшей над нашим маленьким езидским поселком. Все старые предрассудки переродились в ненависть, а ненависть порождает насилие. С тех пор как в 2003 году началась война Америки с Ираком, позже превратившаяся в жестокую междоусобицу, а под конец и в полномасштабный терроризм, мы все больше отдалялись друг от друга. Соседние деревни укрывали экстремистов, угрожавших христианам и мусульманам-несуннитам. Они считали езидов «кафирами», то есть неверными, которых незазорно убивать. В 2007 году экстремисты взорвали цистерну с топливом и три машины в двух езидских поселках километрах в пятнадцати от Кочо. Погибли сотни человек, решивших, что в машинах привезли товары на рынок.

Езидизм – это древняя монотеистическая религия. Она распространяется устно духовными людьми, которым поручено излагать наши истории. Многие ее элементы схожи с другими религиями Ближнего Востока, от митраизма и зороастризма до ислама и иудаизма. Но она поистине уникальна, и понять ее трудно даже тем духовным людям, которые должны ее объяснять. Я представляю себе свою религию как древнее дерево с тысячами колец, и каждое кольцо – рассказ из долгой истории езидов. К сожалению, большинство этих рассказов трагичны.

Сегодня в мире проживает всего около одного миллиона езидов. Сколько я помню себя – и насколько я знаю то, что было до моего рождения, – мы всегда определяли себя как единый народ именно через религию. Но она же делала нас целью для более могущественных народов и групп, от оттоманов до баасистов Саддама, которые нападали на нас или заставляли перейти на свою сторону. Они оскорбляли нашу религию, утверждали, что мы поклоняемся дьяволу, называли нас нечистыми и требовали, чтобы мы отреклись от своей веры. Многие поколения езидов переживали гонения, которые должны были уничтожить нас, обратить в другую религию или просто согнать с земли и лишиться нас нашего имущества. До 2014 года нас пытались уничтожить семьдесят три раза. Мы называли такие гонения османским словом «фирман» еще до того, как узнали слово «геноцид».

Так что неудивительно, что вся деревня впала в панику, когда за двух похищенных фермеров потребовали выкуп. «Сорок тысяч долларов, – заявили похитители по телефону. – Или приходите к нам с детьми, чтобы всеми семьями принять ислам». Иначе этих мужчин, сказали они, убьют.

Но вовсе не деньги заставили их жен в слезах упасть на колени перед нашим «мухтаром», или деревенским старостой, Ахмедом Джассо; да, сорок тысяч долларов – совершенно нереальная сумма, но, в конце концов, это всего лишь деньги. Мы знали, что фермеры скорее согласятся погибнуть, чем перейти в другую веру, поэтому жители заплакали от радости, узнав, что заложникам удалось сбежать. Они вылезли через разбитое окно, пробрались по пустым полям и явились домой живые, в пыли по колени и задыхающиеся от волнения и страха. Но похищения на этом не прекратились.

Вскоре после этого пропал Дишан – человек, которого мое семейство Таха наняло пасти овец. Его похитили на поле неподалеку от горы Синджар. Это стадо моя мать и мои братья собирали годами, и каждая новая овца была для

нас новой победой. Мы гордились этими животными, любили их и, когда они не паслись, держали их во дворе.

Ежегодная стрижка была настоящим праздником. Мне нравилось смотреть, как мягкая шерсть облаками падает на землю, чувствовать ее резкий запах, слушать, как тихо и покорно блеют овцы. Я обожала спать под толстыми одеялами, которые моя мать Шами делала из овечьей шерсти, набивая ее между лоскутками разноцветной ткани. Иногда я так привязывалась к какому-нибудь ягненку, что мне приходилось убегать из дома, когда его собирались зарезать. Когда похитили Дишана, у нас было более сотни голов – целое небольшое состояние.

Вспомнив о том, что в прошлый раз похитители забрали курицу с цыплятами, мой брат Саид поехал к горе Синджар проверить овец.

– Уж конечно, они их угнали, – плакали мы. – Эти овцы – все, что у нас есть.

Но Саид позвонил матери и удивленно сообщил, что взяли только двух животных – старого малоподвижного барана и молодую овечку. Остальные мирно паслись, пощипывая буро-зеленую траву, и послушно пошли за братом домой.

– Не понимаю, – сказал он. – Эти деревенские жители небогаты. Почему они не забрали овец?

Ему казалось, что это неспроста.

До 2014 года нас пытались уничтожить семьдесят три раза. Мы называли такие гонения османским словом «фирман» еще до того, как узнали слово «геноцид».

На следующий день после похищения Дишана в Кочо начался переполох. Жители и солдаты, дежурившие на блокпосту у стен деревни, присматривались к каждой незнакомой машине. Хезни, один из моих братьев, работал в городе Синджар полицейским. Вернувшись со службы, он присоединился к другим мужчинам, громко обсуждавшим ситуацию. Дядя Дишана настаивал на мести. Он решил возглавить набег на деревню суннитов к востоку от Кочо.

– Заберем двух их пастухов! – в ярости кричал он. – Тогда им придется вернуть Дишана!

План был рискованным, и не все поддерживали дядю Дишана. Даже мои братья, унаследовавшие храбрость и вспыльчивость от отца, не пришли к единому мнению. Саид был всего на пару лет старше меня и всегда мечтал показать себя героем. Он тоже рвался к мести, но Хезни, самый старший и самый серьезный из нас, считал это опасной затеей. И все же дяде Дишана удалось найти себе союзников. Вместе они выследили и похитили двух пастухов из арабов-суннитов, привели их в Кочо, заперли в доме дяди Дишана и стали ждать.

Большинство споров в поселке решал Ахмед Джассо, наш прагматичный и осторожный «мухтар», который стоял на стороне Хезни.

– У нас и так сложные отношения с суннитскими соседями, – сказал он. – Кто знает, что они сделают, если мы попытаемся решить это дело силой.

Он предупредил, что ситуация вокруг Кочо ухудшилась. Многие деревни захватила группа, называющая себя «Исламским государством», которая зародилась в Ираке и за последние годы набрала силу в Сирии. Мы уже видели ее людей в черных одеждах, разъезжающих в грузовиках по окрестным дорогам.

– Ты только сделаешь хуже, – предупредил Ахмед Джассо дядю Дишана, так что не прошло и дня, как пастухов-суннитов освободили.

Сам же Дишан оставался в плену. Ахмед Джассо был умным человеком, и его семья умела договариваться с арабами-суннитами на протяжении нескольких десятилетий. Все в поселке обращались к ней со своими проблемами, да и за его пределами эти люди славились как мастера переговоров. И все же некоторые решили, что на этот раз Ахмед проявил малодушие и показал террористам, что езиды не готовы защищать своих.

Между нами и «Исламским государством» стояли лишь курдские военные отряды «пешмерга», которых Курдский автономный район послал охранять Кочо два месяца назад, после падения Мосула. Мы относились к этим пешмерга как к дорогим гостям. Они спали на тюфяках в нашей школе, и каждую неделю какая-нибудь семья забивала для них ягненка – большая жертва для бедных

деревенских жителей. Я тоже смотрела на них с восхищением. Я слышала, что курдские женщины из Сирии и Турции воюют против террористов с оружием в руках, и эта мысль наполняла меня храбростью.

Некоторые, в том числе и мои братья, считали, что нам должны разрешить самим охранять деревню и дежурить на блокпостах. Брат Ахмеда Джассо, Наиф, попытался убедить курдские власти позволить ему сформировать езидский отряд пешмерга, но к нему не прислушались. Никто не хотел вооружать езидов и позволять им воевать против террористов. Пешмерга убеждали нас, что, пока они находятся тут, нам не о чем беспокоиться – они будут защищать езидов так же самоотверженно, как и столицу Иракского Курдистана. «Мы скорее позволим пасть Эрбилю, чем Синджару», – говорили они. Нас убеждали верить им – и мы верили.

И все же многие семьи в Кочо держали дома оружие – старые автоматы Калашникова и большие ножи, которыми по праздникам забивали животных. Езидские мужчины, в том числе и некоторые мои старшие братья, служили в пограничных патрулях или в полиции – после 2003 года их стали брать на эту работу. Мы знали, что наши мужчины смогут защитить свои семьи. Именно они, а вовсе не пешмерга после нападений 2007 года своими руками соорудили земляной вал вокруг поселка. Круглый год, днем и ночью, они патрулировали этот вал, останавливая проезжающие машины у импровизированных блокпостов и следя за незнакомцами. Со временем мы почувствовали себя в безопасности. Казалось, мы вернулись к нормальной жизни.

Похищение Дишана вновь разбудило панику. Но пешмерга не вмешивались. Возможно, они видели в этом эпизоде лишь мелкие дразги между соседними деревнями и считали, что Масуд Барзани, президент Иракского Курдистана, не для этого посылал их охранять Курдистан и незащищенные области Ирака. Некоторые солдаты выглядели не старше Саида, самого младшего из моих братьев.

Но война изменила людей, особенно мужчин. Не так давно Саид играл в куклы со мной и с нашей племянницей Катрин, еще не зная, что это игра не для мальчиков. А теперь он был буквально одержим битвой, охватившей Ирак и Сирию. Однажды я застала его за просмотром видео по телефону. Он смотрел, как боевики «Исламского государства» обезглавливают своих пленников, и повернул телефон так, чтобы было видно и мне. Потом в комнату зашел наш старший брат Масуд и пришел в ярость.

– Зачем ты показываешь это Надие?! – кричал он на Саида, сжавшегося от страха. Но я понимала его. Трудно было не думать о мрачных событиях, происходящих так близко от нашего дома.

Когда я вспоминала о попавшем в плен пастухе, в моей голове то и дело возникали те сцены из видео. «Если пешмерга не помогут нам вернуть Дишана, придется что-то сделать мне», – подумала я и выбежала из дома. Я была самой младшей из детей, да еще и девочкой. И все же я привыкла, что к моему мнению прислушиваются, а рассердившись, чувствовала себя большой и сильной.

Он смотрел, как боевики «Исламского государства» обезглавливают своих пленников.

Наш дом располагался недалеко от северной окраины поселка и представлял собой вереницу одноэтажных комнат из глиняных кирпичей, словно бусы на нитке, соединенных проходами без дверей. Все они вели в большой двор с огородом и печью для выпечки хлеба под названием «тандур»; там же, во дворе, часто спали овцы и куры. Я жила со своей матерью, шестью из восьми братьев и двумя сестрами, а также с двумя невестками и их детьми. По соседству с нами жили другие мои братья, единокровные сестры, и большинство моих теток, дядей и двоюродных братьев и сестер. Зимой, во время дождей, крыша протекала, а летом там стояла ужасная жара, словно внутри иракской печи, поэтому мы спали на крыше, забираясь туда по лестнице. Когда какой-нибудь участок крыши проседал, мы укрепляли его металлическими пластинами, взятыми в мастерской Масуда, а если нам требовалось больше места, то сооружали еще одно помещение из глиняных кирпичей. Мы копили деньги на новый дом, более основательный, из цементных блоков, и с каждым днем наша мечта становилась ближе.

Я пробежала через центральный вход в комнату, которую делила с другими девочками. Там стояло зеркало. Повязывая голову светлым шарфом, под который я обычно убирала волосы, когда пропалывала грядки с овощами, я воображала себя боевиком, готовящимся к сражению. Благодаря постоянному физическому труду я была сильнее, чем казалась. И все же я не имела ни малейшего представления, что буду делать, когда увижу, как через Кочо проезжают похитители или люди из их деревни. Что мне им сказать?

«Террористы забрали нашего пастуха и увели его в вашу деревню, – потренировалась я перед зеркалом, состроив хмурую гримасу. – Вы могли их остановить. По крайней мере вы можете сказать нам, куда их увезли».

Во дворе я подобрала палку вроде пастушьего посоха и бросилась к центральной двери, возле которой стояли несколько моих братьев с матерью. Они были увлечены разговором и почти не обратили на меня внимания.

Через несколько минут по главной дороге проехал белый пикап из деревни похитителей. Двое мужчин сидели на передних сиденьях и двое – на задних. Я немного знала этих арабов из суннитского племени, которое похитило Дишана. Мы смотрели, как машина в облаках пыли движется по поселку – медленно и уверенно, как будто они совсем не боялись. У них не было никаких причин ехать через Кочо – дороги между городами вроде Синджара и Мосула проходили в стороне от деревни. Поэтому все выглядело так, словно они решили нас подразнить. Я выбежала на середину дороги и встала на пути автомобиля.

– А ну стойте! – крикнула я, размахивая палкой над головой и пытаюсь казаться выше и больше. – Говорите, где Дишан!

Чтобы затащить меня в дом, потребовались усилия доброй половины семейства.

– Что это ты задумала? – распекал меня Элиас. – Хотела напасть на них? Разбить стекло?

Он с другими моими братьями и сестрами только что вернулся с поля, и от него пахло луком и потом. Все решили, что мой поступок – просто безрассудная детская выходка. Мать тоже рассердилась на меня за то, что я выбежала на дорогу. Обычно она терпела мой непокорный нрав, и ее даже забавляли мои выходки, но в те дни все были на взводе. В самом деле не стоило привлекать к себе внимание, особенно если ты молодая незамужняя девушка.

– Сядь и подумай, – строго сказала мать. – Тебе должно быть стыдно, Надия. Это не твое дело. Об этом позаботятся мужчины.

Жизнь продолжалась. Обитатели Ирака, особенно езиды и другие меньшинства, быстро привыкают к новым угрозам. Ничего другого не остается, если хочешь сохранить подобие нормальной жизни в стране, которая разваливается на части.

Порой, чтобы привыкнуть к новым опасностям, нужно лишь немного обуздать свои мечты. Забыть о том, что хочешь окончить школу, устроиться на не слишком тяжелую работу, удачно выйти замуж. Это совсем не трудно, особенно если убедить себя, что твои мечты с самого начала были несбыточными.

Меньшинства быстро привыкают к новым угрозам. Ничего другого не остается, если хочешь сохранить подобие нормальной жизни в стране, которая разваливается на части.

Иногда привыкание происходит постепенно, и этого даже не замечаешь. Мы переставали общаться с девочками-мусульманками в школе и в страхе прятались по домам, когда в поселке появлялись незнакомцы. Мы смотрели новости о терактах, и нас все больше волновала политика. Кто-то вообще прекращал говорить о политике, чувствуя, что безопаснее хранить молчание. После каждого теракта мужчины добавляли участок к земляному валу вокруг Кочо, пока он полностью не огородил поселок. Но поскольку мы все равно не ощущали себя в безопасности, мужчины вырыли вокруг него ров.

Много поколений подряд мы привыкали к боли и несправедливости и научились не замечать их. Я думаю, именно поэтому мы не реагировали на мелкие оскорбления, например, когда от нас не принимали угощение. Человеку со стороны, должно быть, это бы показалось очень грубым. Езиды привыкли даже к угрозе очередного «фирмана», хотя вспоминать о ней было неприятно и больно.

Дишан оставался в плену, а я присоединилась к своим сестрам и братьям на луковых полях. Созревали овощи, которые мы посадили несколько месяцев назад, и если мы их не соберем, то не соберет никто. Если мы их не продадим, у нас не будет денег. Поэтому мы все, выстроившись в ряд, двигались на корточках среди зеленых ростков, выдергивая по несколько луковиц и складывая их в плетеные пластиковые мешки, где они будут дозревать, пока не придет время везти их на рынок. «Повезем ли мы их в этом году в мусульманские деревни?» – каждый задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Когда нам попадалась гнилая луковица, мы морщились, недовольно кряхтели, зажимали носы и двигались дальше.

Работа была скучной, и поэтому мы обсуждали слухи, подшучивали друг над другом, рассказывали истории, которые слышали уже миллион раз. Моя сестра

Адки, главная шутница в семье, вспомнила, как я выглядела, когда выбежала на дорогу перед машиной – тощая деревенская девчонка с налезавшим на глаза шарфом отчаянно размахивает палкой над головой, – и мы буквально падали от смеха. Чтобы разнообразить работу, мы придумали соревнование – кто соберет больше луковиц, так же как несколько месяцев назад соревновались, кто посадит больше семян. Когда солнце стало клониться к закату, мы вернулись домой, чтобы вместе с матерью поужинать на дворе, а потом улеглись на постеленных на крыше матрасах плечом к плечу и стали разглядывать луну и перешептываться, пока всех нас не сморила усталость.

Тогда мы не догадывались, зачем похитители взяли животных – курицу с цыплятами и барана с овечкой. Выяснилось это позже, почти две недели спустя, после того как Кочо и большую часть Синджара захватило ИГИЛ. Один боевик, загонявший все население Кочо в здание школы, объяснил это женщинам так:

– Вы говорите, что мы явились неожиданно, словно ниоткуда, но мы подавали вам знаки, – сказал он, размахивая винтовкой. – Мы взяли курицу с цыплятами, чтобы вы поняли, что мы заберем ваших женщин и детей. Баран – это глава вашего племени, и когда мы убили барана, это значило, что мы намерены убить ваших предводителей. А молодая овца – это ваши девушки.

2

Мама любила меня, но не хотела, чтобы я родилась. За несколько месяцев до моего зачатия она сэкономила, на чем могла – динар здесь, динар там, сдача с похода на рынок или тайком проданный фунт помидоров, – чтобы купить противозачаточные таблетки, о которых даже не смела заикнуться моему отцу. Езиды не вступают в брак с представителями других религий, переходить в нашу веру другим тоже не разрешается, потому большие семьи – единственная гарантия того, что мы не вырем. К тому же чем больше детей, тем больше рук для работы на ферме. Моей матери удавалось покупать таблетки три месяца, пока у нее не закончились деньги, и почти сразу же после этого она забеременела мною – своим двенадцатым и последним ребенком.

Мама любила меня, но не хотела, чтобы я родилась.

Она была второй женой моего отца. Первая его жена умерла молодой и оставила ему четырех детей. Моя мама была настоящей красавицей. Она родилась и выросла в Кочо, в бедной и глубоко религиозной семье, и ее отец с радостью отдал ее в жены моему отцу. Тот уже владел кое-какой землей и животными и в сравнении с остальными жителями Кочо считался зажиточным.

Еще до того как моей матери исполнилось двадцать лет и она научилась готовить, ей пришлось стать женой и приемной матерью четырех детей. Сама она тоже быстро забеременела. Она никогда не училась в школе и не умела читать и писать. Как и многие езиды, чей родной язык – курдский, она почти не знала арабского и едва могла объясниться с арабами, которые приходили в наш поселок на свадьбы или за покупками. Даже наши религиозные рассказы оставались для нее загадкой. Но она усердно работала и выполняла много обязанностей, которые обычно возлагаются на жену фермера. Беременность не считалась причиной, чтобы отлынивать от них, разве что она оставалась дома, когда тяжело вынашивала моих братьев-близнецов, Сауда и Масуда. От беременной езидской женщины ждут, что она будет собирать ветки для растопки, сажать и пропалывать растения и водить трактор до самых родов, а после начнет брать младенца с собой на работу.

У моего отца в Кочо была репутация очень патриархального и благочестивого езида. Он заплетал длинные волосы в косички и покрывал голову белой тканью. Когда Кочо посещали «каввали» – странствующие проповедники, играющие на флейте и барабанах и распеваящие религиозные гимны, – он торжественно приветствовал их вместе с несколькими другими мужчинами. Его громкий голос часто было слышно в «джевате» – доме собраний, где собирались мужчины поселка, чтобы задать нашему мухтару вопросы о религии или о текущих делах.

Несправедливость ранила моего отца сильнее физической боли, а гордость придавала ему сил. Его приятели обожали слушать истории о его героизме, например, как он спас Ахмеда Джассо от соседнего племени, решившего убить нашего мухтара. Или как однажды из конюшен предводителя арабов-суннитов сбежали арабские скакуны, и мой отец, размахивая пистолетом, спас Халафа, бедного фермера из Кочо, которого обнаружили в поле верхом на одном из скакунов.

– Твой отец всегда старался поступать правильно, – сказал один из его друзей после его смерти. – Однажды он пустил переночевать одного курдского повстанца, за которым гнались иракские военные, хотя этот повстанец привел к

его дому полицию.

Тогда полицейские хотели арестовать обоих, но отцу каким-то образом удалось оправдаться. «Я помог ему не из-за политики, – сказал он. – Я помог ему, потому что он человек и я человек». И полицейские их отпустили.

– Потом этот повстанец стал другом Масуда Барзани, – вспоминал друг, не перестававший удивляться этому факту спустя столько лет.

Мой отец не любил ввязываться в драки, но когда надо, он их не сторонился. В одном столкновении он потерял глаз, и оставшийся в глазнице небольшой шар молочного цвета, похожий на мраморные шарики, которыми я играла в детстве, делал его вид весьма угрожающим. Я часто думала, что если бы мой отец был в живых, когда в Кочо пришли террористы из ИГИЛ, то он бы точно возглавил восстание против них.

От беременной езидской женщины ждут, что она будет собирать ветки для растопки, сажать и пропалывать растения и водить трактор до самых родов, а после начнет брать младенца с собой на работу.

К 1993 году, когда я родилась, отношения между моими родителями разладились, и мать страдала из-за этого. За несколько лет до этого в ирано-иракской войне погиб старший сын отца, и после этого, как говорила мать, все пошло не так. Мой отец привел в дом другую женщину, Сару, женился на ней, и она стала жить со своими детьми в той части дома, которую моя мать долго считала своей. Многоженство в езидизме не запрещено, но не каждому в Кочо сошло бы это с рук. Впрочем, моему отцу никто не задавал лишних вопросов. К тому времени, когда он женился на Саре, у него уже было много земли и скота, и когда выживать в Ираке из-за санкций и войны стало труднее, ему потребовалась большая семья – больше, чем могла ему обеспечить моя мать.

Мне до сих пор трудно осуждать своего отца за то, что он женился на Саре. Любой человек, чье выживание зависит от количества выращенных за год помидоров или от поиска лучших пастбищ для овец, поймет, зачем нужна еще одна жена и больше детей. Тут дело не в личных отношениях. Хотя позже, когда он официально покинул мою мать и отправил нас жить в небольшую постройку

за домом почти без денег и земли, я поняла, что его решение было не только прагматичным. Он любил Сару сильнее моей матери. Я просто смирилась с этим, как и с тем, что сердце моей матери было разбито, когда он привел домой новую жену. После того как отец нас бросил, она часто повторяла мне и двум моим сестрам, Дималь и Адки: «Огради вас Бог от того, что пережила я». Я хотела походить на нее во всем, кроме того, чтобы оказаться брошенной.

Мои братья были не такими терпимыми. «Бог заставит тебя заплатить за это!» – как-то воскликнул Масуд в ярости. Но даже они признавали, что жизнь стала легче, когда мама и Сара перестали бороться за внимание отца. За несколько лет мы научились существовать рядом. Каждый день по пути в начальную школу я проходила мимо их дома – дома, в котором родилась; их собака не лаяла на меня. Мы вместе проводили выходные, и отец иногда отвозил нас в город Синджар или к горе Синджар.

В 2003 году у него случился сердечный приступ, и он сразу как-то постарел и уже не вставал с кресла в больнице. Через несколько дней он умер – казалось, не столько от больного сердца, сколько от стыда за свою немощность. Масуд пожалел, что накричал на него.

Моя мама была глубоко религиозной женщиной, верившей в знамения и в сны, с помощью которых езиды толкуют настоящие события или стараются узнать будущее. Когда на небе появлялся новый полумесяц, она выходила во двор и зажигала свечи. «В такое время дети чаще болеют и попадают в беду, – объясняла она. – Я молюсь, чтобы ничего такого не случилось с вами».

У меня часто болел живот, и тогда мама отводила меня к езидским целителям, которые давали мне травы и отвары; мама заставляла меня их пить, хотя я ненавидела их вкус. Когда кто-то умирал, она посещала «кочека» – езидского мистика, который следил, чтобы умерший перешел в загробную жизнь. Перед тем как покинуть Лалеш – долину на севере Ирака, где расположены наши главные храмы, многие паломники-езиды заворачивают немного земли в маленькие треугольные платки и хранят их в карманах или в бумажниках в качестве талисмана. Мама всегда держала при себе такой платочек со священной землей, особенно после того, как мои братья стали уходить из дома и работать на военных. «Им нужна защита, Надия, – говорила она. – Они занимаются очень опасным делом».

Она отличалась практичностью и трудолюбием и старалась, как могла, сделать нашу жизнь лучше. Езидские поселения самые бедные в Ираке, а наша семья считалась бедной даже по езидским меркам, особенно после того, как родители разошлись. Несколько лет мои братья рыли колодцы вручную, спускаясь во влажную землю все ниже и ниже и стараясь не переломать себе кости. Вместе с мамой и сестрами они обрабатывали земли других людей, получая в качестве оплаты немного помидоров и лука. Первые десять лет моей жизни у нас редко бывало мясо на обед; мы в основном питались вареными овощами, а братья покупали новые штаны, только когда через старые начинали просвечивать ноги.

Постепенно благодаря стараниям матери и экономическому росту в Ираке после 2003 года наше положение, как и многих езидов, улучшилось. Курдское правительство разрешило брать на службу езидов, и братья устроились в пограничную охрану и в полицию. Это действительно была опасная работа – брат Джало с отрядом полиции охранял аэропорт Талль-Афара, и этот отряд потерял много людей в первый год службы, но платили там хорошо. В конце концов мы переехали с земли отца в свой собственный дом.

Люди, которые знали мою мать только как религиозную и трудолюбивую женщину, удивлялись, обнаружив, что она умеет быть веселой и превращать все в шутку, даже тяжелые переживания. Она понимала, что почти наверняка не выйдет больше замуж, но даже это ее не огорчало.

Однажды, через несколько лет после ее расставания с отцом, в Кочо приехал один мужчина. Он надеялся привлечь внимание матери, но она, услышав, как он входит в дом, схватила палку и побежала за ним, крича, что ни за что не выйдет за него. Вернувшись, она хохотала без остановки. «Вы бы видели, как он перепугался! – повторяла она, изображая его гримасу, пока мы все не покатались со смеху. – Если и выходить замуж, то уж точно не за мужчину, который убегает от старухи с палкой!»

Она смеялась над всем – над тем, как ее бросил отец, над моей одержимостью прическами и косметикой, над своими неудачами. Вскоре после моего рождения она стала ходить на курсы грамотности для взрослых, а потом ее учительницей стала я. Она усваивала все быстро – наверное, отчасти потому, что умела смеяться над своими ошибками.

Рассказывая о своих попытках предохраниться от беременности до моего рождения, она как будто вспоминала книгу, которую читала когда-то давно и

любила в ней только некоторые страницы. Ее нежелание забеременеть казалось ей забавным, потому что теперь она не могла представить своей жизни без меня. Улыбаясь, она говорила, что полюбила меня сразу же, как я родилась. И еще она очень любила, когда я каждое утро грелась возле глиняной печи, в которой она пекла хлеб, и разговаривала с ней. Мы смеялись над тем, как во мне просыпалась ревность, когда она ласкала моих сестер или племянниц. Я поклялась никогда не покидать ее, и мы всегда спали в одной кровати, пока в Кочо не пришло ИГИЛ и не разлучило нас. Она была мне одновременно и матерью, и отцом, и мы полюбили ее еще больше, когда стали старше и поняли, как много она страдала.

Я привыкла к нашему дому и даже не представляла, как смогу жить где-то еще. Посторонним Кочо мог показаться слишком бедным поселком, чтобы жить в нем счастливо. В такой глуши и среди таких пустошей он был просто обречен на бедность. Наверное, у американских солдат, которых дети облепляли и выпрашивали у них ручки и конфеты всякий раз, когда они появлялись в Кочо, сложилось именно такое впечатление. Я тоже была среди этих детей и тоже выпрашивала подарки.

Иногда в Кочо заезжали курдские политики – правда, только в последние годы, и то в основном перед выборами. Одна из партий, Демократическая партия Курдистана Масуда Барзани, после 2003 года открыла свой двухкомнатный офис в Кочо, но он в основном служил клубом для мужчин, вступивших в эту партию. Многие с глазу на глаз жаловались, что их заставляют поддерживать партию и утверждать, что езиды – это курды, а Синджар – часть Курдистана. Иракские политики вовсе игнорировали нас, а Саддам в свое время пытался заставить нас объявить себя арабами, как будто под страхом угроз мы забудем о своем происхождении и не будем протестовать.

Я поклялась никогда не покидать ее, пока в Кочо не пришло ИГИЛ и не разлучило нас.

В каком-то смысле жизнь в Кочо уже была протестом. В середине 1970-х Саддам начал насильственно переселять национальные меньшинства, в том числе курдов и езидов, из их деревень вокруг горы Синджар в шлакобетонные дома в строго спланированные поселения, где их было легче контролировать. Такая

политика называлась «арабизацией» севера. Но Кочо находился достаточно далеко от горы, и нас пощадили.

Езидские традиции, которые считались устаревшими в новых поселках, в нашей деревне сохранялись и даже процветали. Женщины носили платья из тонкой белой ткани и головные уборы своих бабушек; на шумных свадьбах со сложными обрядами танцевали старинные танцы и звучала классическая музыка езидов; мы даже постились для искупления своих грехов, тогда как многие езиды уже забросили этот обычай. Мы ощущали себя сплоченным сообществом, и даже споры из-за земли или брака казались незначительными. По крайней мере они не мешали нам любить друг друга. Жители могли запросто заходить друг к другу допоздна и гулять по улицам без страха. Я слышала, как приезжие из других мест говорили, что ночью Кочо светится в темноте. Адки клялась, что однажды кто-то назвал его «Парижем Синджара».

Кочо был молодой деревней, полной детей. Очень немногие из жителей лично помнили «фирманы». Большинство считало, что все это в далеком прошлом, что мы живем в современном цивилизованном мире, где никто не будет истреблять целый народ из-за его религии. Я тоже так думала.

Мы росли, слушая истории о резне, и они казались нам страшными сказками, которые просто должны сильнее сплотить нас. Подруга моей матери, например, рассказывала о притеснениях со стороны оттоманов в Турции, где когда-то жило много езидов, и о том, как ее мать и сестру держали в пещере и морили голодом. Чтобы выжить, им приходилось есть вареную кожу. Я слышала этот рассказ много раз, и от него всякий раз сосало под ложечкой. Мне казалось, я никогда не стала бы есть кожу, даже если бы умирала с голоду. Но это была всего лишь страшная история.

С другой стороны, жизнь в Кочо нельзя было назвать легкой. Все дети, как бы их ни любили, были обузой для родителей, которым приходилось работать день и ночь, чтобы прокормить семьи. Когда мы заболевали и болезнь нельзя было вылечить травами, приходилось ехать в Синдjar или в Мосул, к врачу. Одежду нам с братьями и сестрами шила мама, а когда мы стали немного богаче, то раз в год покупали ее на городском рынке. Во время санкций, наложенных ООН на Ирак с целью вынудить Саддама отречься от власти, мы плакали, потому что нельзя было достать сахар. Когда в поселке появились школы, сперва начальная, а потом и средняя, родителям приходилось выбирать – отправлять детей учиться или оставлять их дома, чтобы они помогали в работе. Очень долго

простому езиду было трудно получить образование, и не только из-за иракского правительства, но и из-за религиозных лидеров, которые считали, что светское образование подталкивает к бракам на стороне и, следовательно, к потере самобытности. Родители тоже многим жертвовали, лишая себя дополнительной пары рук. Да и какую работу найдут их дети, получив образование? Такой работы в Кочо не было, а жизнь за пределами деревни, далеко от езидов, манила только самых отчаянных или очень самонадеянных.

Родительская любовь становилась источником страданий. Жизнь в сельской местности опасна, случается всякое. Мама вспоминала, как в молодости погибла ее старшая сестра – она упала на пшеничном поле с трактора, и он ее переехал. Лечиться часто бывало слишком дорого. Мой брат Джало и его жена Асма теряли одного ребенка за другим из-за болезни, унаследованной Асмой. Они были слишком бедны, чтобы купить лекарства или отвезти ребенка к врачу. Из их восьми детей умерли четверо.

Моя сестра Дималь лишилась своих детей из-за развода. В езидском обществе, как и во всем Ираке, у женщин очень мало прав при разводе, чем бы он ни был вызван. Другие дети погибали в войнах. Я родилась всего через два года после войны в Персидском заливе и через пять лет после окончания ирано-иракской войны, бессмысленного восьмилетнего конфликта, основной целью которого, казалось, было желание Саддама заставить свой народ страдать как можно сильнее. Эти дети, которых нам никогда не было суждено увидеть, обитали в наших воспоминаниях, словно призраки в домах. Отец отрезал свои косички, когда погиб его старший сын. Хотя в честь погибшего называли одного из моих братьев, отец никогда не называл его по имени, а только по прозвищу Хезни, что означает «печаль».

Мы вели счет времени по урожаям и езидским праздникам. Погода не жаловала нас круглый год. Зимой по улицам Кочо разливалась похожая на цемент грязь, засасывающая обувь, а летом стояла такая жара, что приходилось работать на ферме ночью, чтобы не упасть в обморок на солнцепеке. Иногда случался неурожай, и тогда воцарялось всеобщее уныние, по крайней мере до следующей посевной.

Порой, как бы мы ни старались, нам никак не удавалось раздобыть достаточно денег. Мы таскали на спинах мешки на рынок, где покупатели подходили, вертели овощи в руках и отходили, ничего не купив; так на своем горестном опыте мы узнавали, что пользуется спросом, а что нет. Выгоднее всего было

продавать пшеницу и ячмень. Лук тоже расходился, но не так хорошо. Несколько лет мы скармливали перезрелые помидоры скотине, только чтобы избавиться от них.

Родительская любовь становилась источником страданий.

И все же, несмотря на все трудности и лишения, я никогда не хотела жить нигде, кроме Кочо. Пусть зимой улицы и заливала грязь, но зато не нужно было идти далеко, чтобы повидаться с любимыми людьми. Пусть жара летом и удушала, но зато мы все вместе спали на крыше, где можно было разговаривать и шутить с соседями, спавшими на своих крышах. Пусть работать на ферме было тяжело, но мы зарабатывали достаточно для простой и счастливой жизни. В детстве я так сильно любила свою деревню, что мастерила миниатюрный Кочо из старых коробок и всякого мусора. Вместе с Катрин мы заселяли эти дома самодельными куклами и женили их между собой. Конечно же, перед каждой свадьбой куклы-девушки посещали роскошную парикмахерскую, сделанную из пластикового ящика из-под помидоров.

Но самое главное – я никогда по своей воле не покинула бы Кочо, потому что там жила моя семья, которая сама представляла собой маленькую деревню. У меня было восемь братьев. Старший, Элиас, был мне как отец. Хайри первым устроился служить в пограничную охрану, чтобы помочь прокормить нас. Писе отличался упрямством, но ни за что бы не позволил, чтобы с нами случилось что-то плохое. Масуд стал лучшим механиком (и одним из лучших футболистов) в Кочо, а его брат-близнец Сауд держал небольшую лавку. Джало открывал свое сердце всем, даже незнакомцам. Проказник Саид и минуты не сидел на месте, а мечтатель Хезни витал в облаках, но мы все боролись за его внимание. Еще у меня были две сестры – тихая, похожая на мать Дималь и Адки, которая могла поспорить с братьями, чтобы ей позволили сесть за руль пикапа. А рядом жили мои единокровные братья Халед, Валид, Хаджи и Наваф и единокровные сестры Халам и Хаям.

Кочо был местом, где моя мама, как всякая хорошая мать в любом уголке Земли, посвятила свою жизнь детям, заботилась о них, кормила и внушала им надежды на лучшее. В последний раз я видела ее в другом месте, но до сих пор, вспоминая, представляю ее именно в Кочо. Даже в самый тяжелый период санкций она старалась дать нам все необходимое. Когда у нас не было денег на

сладости, она тратила последние монеты, чтобы мы купили жевательную резинку в местном магазине. Когда в Кочо приезжал торговец одеждой, она упрашивала его продать платья в кредит. «По крайней мере в следующий раз наш дом будет первым, куда он зайдет в Кочо», – шутила она, если кто-нибудь из братьев сердился, что она залезла в долги.

Она сама выросла в бедности и не хотела, чтобы мы выглядели нуждающимися, но деревенские жители все равно помогали нам и давали немного муки или кускуса, если могли. Однажды, когда я была совсем маленькая, мама шла домой с мельницы, и в мешке у нее было совсем мало пшеницы. Ее остановил ее дядя Сулайман и спросил: «Я знаю, тебе нужна помощь, но почему ты ко мне не заходишь?»

Мне никогда и нигде не хотелось оставаться одной.

Сначала мама покачала головой: «У нас все в порядке, дядя. У нас есть все, что нужно». Но Сулайман настаивал: «У меня есть лишняя пшеница, можешь забрать немного». Так у нашего дома появились четыре канистры пшеницы, из которой мы пекли хлеб два месяца. Моя мать стыдилась, что ей понадобилась помощь, и ее глаза наполнялись слезами, когда она рассказывала об этом случае. Она поклялась сделать все возможное, чтобы мы жили лучше. День за днем она выполняла свое обещание. При взгляде на нее в душе всегда пробуждалась уверенность, несмотря ни на каких террористов. «Бог защитит езидов», – повторяла она нам каждый день.

О моей матери мне напоминает многое. Белый цвет. Хорошая, порой даже острая шутка. Павлин – священный символ езидов и короткие молитвы, которые я мысленно произношу, увидев изображение этой птицы. Каждое утро она просыпалась рано, чтобы испечь хлеб, садилась на низкую табуретку перед тандуром на дворе, делала лепешки и прикрепляла их к стенкам печи, где они раздувались и лопались, готовые к погружению в чашки с расплавленным овечьим маслом.

Каждое утро двадцать один год подряд я просыпалась от звуков «шлеп, шлеп, шлеп» теста об стенки печи и от травянистого запаха масла. Они говорили мне, что мама рядом. Еще в полудреме я подходила к тандуру, и если дело было зимой, то грела руки о печь и разговаривала с ней обо всем – о школе, о

свадьбах, о ссорах с братьями и сестрами. Долгие годы я была уверена, что на жестяной крыше нашего душа во дворе откладывали свои яйца змеи. «Я слышала их!» – настаивала я, изображая шипенье. Но мама снисходительно улыбалась мне, самой младшей дочери. «Надия боится мыться одна!» – смеялись надо мной братья и сестры. И даже после того, как мне на голову упала маленькая змейка, из-за чего нам наконец-то пришлось переделать душ, я поняла, что они были правы. Мне никогда и нигде не хотелось оставаться одной.

Отламывая обгорелые края свежих лепешек, я делилась с мамой своими планами на жизнь, которые с каждым разом все усложнялись. Мне уже было недостаточно открыть в нашем доме парикмахерский салон. Нам теперь хватало денег на пудру и тени, популярные в городах за пределами Кочо. Поэтому я собиралась заниматься косметикой, после того как вернусь из средней школы, в которой буду преподавать историю. Мама лишь согласно кивала. «Лишь бы ты не покинула меня, Надия», – говорила она, заворачивая лепешки в ткань. «Конечно, я тебя никогда не покину», – всегда отвечала я.

3

Езиды верят, что перед сотворением человека Бог создал семь высших существ. Их называют ангелами, и они – проявления его сущности. Сотворив Вселенную из осколков разбитой, похожей на жемчужину сферы, Бог послал своего главного ангела, Тауси Малака, на землю, где он принял образ павлина и раскрасил мир яркими цветами своих перьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Террористическая организация, запрещена в РФ.

Купить: https://tellnovel.me/murad_nadiya/poslednyaya-devushka-istoriya-moego-plena-i-moe-srazhenie-s-islamskim-gosudarstvom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)